

Владимир Левендорский

SWRRF. 20??

Воспоминания из будущего.
Книга первая

Владимир Левендорский

SWRRF. 20??

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17194495

ISBN 9785447450533

Аннотация

Imagine... Соберите этот пазл. Что у вас получится? Предложите родственникам, друзьям, знакомым... Что получится у них? Читать можно с любого места и в любом порядке. Но лучше, само собой, последовательно с начала... и до конца... только когда он будет?.. и будет ли?... You may say, I'm a dreamer... But... I hope.... Some day...

Содержание

Университет	6
«Сэр Вольдемар»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

SWRRF. 20??

Воспоминания из будущего.

Книга первая

Владимир Левендорский

© Владимир Левендорский, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
– На закате это выглядит почти красиво, – подумал он.

Уже коснувшееся линии горизонта багровое солнце освещало голую равнину. Почти никакой растительности. Лишь местами на северных склонах холмов остатки высохшей травы и чахлого кустарника. Никаких строений. Только километрах в тридцати к югу и почти у самой линии горизонта на западе – развалины двух городов. Эта равнина была густо изрезана многочисленными оврагами, тут и там украшенными причудливыми выступами изрезанного водой и ветрами песчаника. Эти выступы отбрасывали теперь затейливый узор теней на чередующиеся чёрные, красно-коричневые и жёлтые пятна земли. Равнина пересекалась широкой песчаной лентой русла реки, посередине которой еле виднелся мутный ручей в два-три метра шириной. По этой ленте,

казавшейся сейчас ярко красной, поднявшийся, как обычно, к вечеру, ветер гнал многочисленные песчаные смерчи, искрящиеся жёлто-красные на солнце и грязно-серые в тени.

Да, сейчас он уже мог «любоваться» этим «пейзажем». А когда он увидел ЭТО впервые два года назад, он испытал настоящий шок, от которого чуть самым натуральным образом не потерял сознание, хотя прекрасно знал, что он здесь должен был увидеть и несколько месяцев морально готовил себя к этому зрелищу. Но контраст между его воспоминаниями детства и увиденной им картиной был так велик! Казалось, кто-то неожиданно и подло тебя предал, лишив изощрённым обманом самого дорогого.

Университет

За спиной вежливо кашлянули и сказали, то ли утверждая, то ли спрашивая: «Красиво».

Александр повернулся и вежливо улыбнулся Ректору. Но ничего не ответил. Тот, чтобы заполнить неловкую паузу промямлил: «Замечательный у нас край... – он замялся, мучительно подбирая подходящее слово, и, наконец, с трудом выговорил, – живописный». Он опять ничего не ответил. И тогда Ректор, быстро изобразив серьёзность, сказал: «Ваша миссия у НАС в этом году завершена? – он выразительно подчеркнул голосом это „у нас“, намекая на свою особую осведомлённость о его иных делах здесь. – Как прошли экзамены? Тестовые испытания? Вы ж понимаете, Ваш предмет... э-э-э... очень необычен для учебного заведения нашего профиля. Но – он встрепенулся, испугавшись, что сказал лишнее, – я понимаю его важность и необходимость для наших студентов».

«Господи, какой экзамен, какой предмет, какое **учебное** заведение?!» – подумал он. – Какая учёба, какое образование в этом «обезьяннике», как называл подобные заведения его отец, которое по традиции гордо именовалось Федеральным Университетом, хотя давно уже содержалось исключительно Корпорацией и готовила «специалистов» тоже почти исключительно для неё?

Биология, которую он преподавал, здесь абсолютно никому не была нужна и совершенно никому не интересна. Да и биологией то, что он преподавал, можно было назвать с большой натяжкой. Курс, который он здесь так сказать «читал», ввели почти двадцать лет назад сразу после последней войны Корпорации с Южным наркокартелем. Тогда по разорённым полям и лесам, ещё не превратившихся окончательно в пустыню, по полуразрушенным городам бродили стаи животных, диких от природы или одичавших домашних. Многие из них после применения генного оружия (каждая из сторон обвиняла в его первом применении своего противника, а до правды так и не докопались) быстро мутировали и были очень агрессивны. Особенно некоторые виды бывших домашних собак. Умные, хитрые, жестокие и беспощадные, собранные в большие со строгой иерархией стаи в 20—30 особей, они как люди нападали не только, когда были голодны или им грозила опасность, но просто от переполнявших их злобы и чувства мести. И тогда на всех факультетах, по всем специальностям был введён курс, на котором рассказывалось, «что это за твари», как их распознавать, как себя с ними вести и как от них защищаться. Но уже несколько лет, как самые агрессивные из этих «тварей» были уничтожены, а остальные просто вымерли от голода в заповоленной всё пустыне. Порой в Городе поднимался шум, что уничтожили какую-то «тварь», напавшую на кого-то из горожан. Но на поверку оказывалось, что застрелили безобидного до-

машнего пса, который оказался брошенным после смерти какого-то старика или какой-то старухи, сохранивших странную привычку держать домашних животных.

Но курс пока не отменили. Более того, он здесь оказался одним из немногих, по которому экзамен сдавался не дистанционно, а лично преподавателю. А экзамену предшествовало целых две личных консультации. Правда, с прошлого года обязательный для оценки уровень знаний понизили с третьего на четвёртый. Третий уровень предполагал, что студенты должны были по текстовым инструкциям, выводимых на защитные очки или дисплей управления соответствующего аппарата или прибора, определить угрозу и средства борьбы с ней. Однако чтение инструкций стало занимать столько времени, в итоге этого чтения студенты в них всё равно почти ничего не понимали, а экзамен затягивался на долгие часы (и многие высокопоставленные родители стали жаловаться, что «над детьми измываются»). Но главное, стало очевидным, что такой способ защиты «в случай чего» их всё равно не спасёт. Четвёртый уровень предполагал, что те же инструкции «зачитывались» через Модуль Безопасности Идентификационного Чипа непосредственно в слуховой центр мозга. Но оказалось, что значение подавляющего большинства слов инструкции они не знали, а смысл предложений длиной больше пяти слов просто не в состоянии были уловить. Поэтому реально «знания» приходилось оценивать по пятому уровню, который заклю-

чался примерно в следующем – непосредственно в зрительный центр мозга (что даже здесь допускалось только в самых крайних ситуациях) Модулем Безопасности выводилось изображение опознанного животного, «внутренний голос» говорил, например, – «Большая, гривастая песчаная собака. Очень опасна! Немедленно спрятаться в ближайшем транспортном средстве! Уничтожить при движении шагом дальше 50 метров! При движении бегом – 100 метров!»

Почти все его студенты показали замечательную подготовку: услышав слова «очень опасна», они, не слушая остальные инструкции, тут же начинали палить по «твари» из всего, что оказывалось под рукой. Это при том, что экзамен пришлось проводить не в естественных условиях как того пока ещё требовала инструкция, а в full-volume симуляторе. Первый экзамен два года назад он попытался провести «на натуре»: рассадил студентов в патрульные машины Внешней Охраны и вывел колонну за Купол. Но они проехали не больше полукилометра и машины стали останавливаться одна за другой. Он долго пытался уговорить своих студентов проехать дальше, уверяя, что ничего реально опасного их там не ожидает. Но безуспешно. Пришлось дать команду переместить поближе заранее вывезенных километров на тридцать от Купола био-ботов, изображавших давно исчезнувших «тварей». Но и эту команду пришлось скоро отменить. Из тридцати двух студентов из машин удалось уговорить выйти лишь девять человек. Остальные, судорожно вцепив-

шись в джойстик управления, смотрели на него обезумевшими от страха глазами и, что-то невнятно мыча, трясли головой. Да и те, что вышли, отказывались отойти от машин дальше, чем на три шага и, скукожившись, озирались не менее безумными глазами. Он просто побоялся раздать им оружие, чтобы они в панике не перестреляли друг друга. Назад возвращались в режиме full-autodrive, причём ему пришлось самому каждую машину переводить в этот режим и задавать назначение маршрута. Студенты были в полу парализованном состоянии. После возвращения он ожидал занудного выговора Ректора, которого закидают возмущёнными жалобами высокопоставленные родители студентов, которым их чада порассказали всяких ужасов. Но оказалось, что те, наоборот, соревновались в бахвальстве, как они в глубине пустыне, чуть ли не за линией сторожевых ботов, храбро уничтожали набросившихся на них стаи «тварей».

Слава богу, уже давно здесь было всего три оценки: «не достаточные знания», «достаточные знания», «эффективные знания». Он с лёгким сердцем поставил всем «достаточные знания» (хотя многих, видно, эта оценка обидела: они ведь так классно палили и почти все попали «в этих тварей»). Он прекрасно отдавал себе отчёт, что этот экзамен профанация. Профанация для самих студентов, потому что и место работы, и должность для каждого из них давно определены, поскольку ещё до последней войны Корпорация стала превращаться в закрытую кастовую систему, а за по-

следующие после войны годы закрытость и кастовость стали абсолютными и, фактически все должности в ней стали наследственными. Профанацией для него и для всех остальных, не входящих в Корпорацию, потому что сама Корпорация давно стала большой профанацией.

– Может, по бокалу вина?.. на прощанье. Как раньше говорили... э-э-э... на посошок, – предложил Ректор. Он немного помедлил с ответом. С одной стороны, у Ректора было прекрасное вино. С другой стороны, ему не хотелось слушать занудные и косноязычные рассуждения ректора и мучить себя зрелищем, как он будет изображать своё «наслаждение» действительно прекрасным напитком: тот давно уже не был «натуралом», но перед ним почему-то стеснительно пытался это скрывать. Однако, очевидно, они в этом году видятся последний раз. Отказ будет не вежлив. Может быть, даже, расценён как высокомерие. И он согласился.

Ректор пригласил его жестом в стоявший неподалёку небольшой – парковый, – двухместный электромобиль, на котором он, видимо, приехал. Но Александр сказал: «Давайте лучше пройдемся».

Они стояли у самой границы Купола. Перед ними, в полкилометре от них, ярко светились здания университетского городка. А вокруг парк: ярко зелёный идеально ровный, густой ковёр травы и ровные ряды невысоких аккуратных деревьев, образующих пересекающиеся в разных направлениях неширокие аллеи. Они были живые. Но из-за сво-

ей неестественной яркости, правильности, упругости (трава тут же выпрямлялась, стоило поднять ногу, и нельзя было понять, где ты только что стоял) казались неживыми, искусственными. – Плоды дешёвого генного конструирования. Он любил здесь гулять, потому что *здесь* он ничего этого не замечал. Он уходил в свои воспоминания и видел этот парк таким, каким тот был больше четверти века назад. Забывшись в своих воспоминаниях, он и добрёл незаметно до границы Купола.

И сейчас, сделав несколько шагов, он вновь погрузился в этот мир воспоминаний далёкого детства. Тогда это была просто большая поляна, поросшая степным разнотравьем – «бурьяном». Её пересекали большая каштановая аллея и две поменьше пирамидальных тополей. Между ними – несколько островков плакучих ив, сирени и разбросанные как попало деревья вишен, яблонь и жердёл. Весной всё это буйно зеленело и цвело. Но уже через 2—3 месяца выгорало и лишь к середине осени бурьян слегка оживал и вновь начинал зеленеть. С каждым годом периоды возрождения и цветения всё укорачивались, а засуха становилась всё дольше. И всё больше деревьев следующей весной уже не зеленели и не цвели.

Ему было очень трудно отделить свои собственные воспоминания от тех образов прошлого, которые сформировались у него после многочисленных просмотров фотографий и видеосъёмок той поры. Но некоторых из этих воспомина-

ний не было ни на фото, ни на видео, но, тем не менее, они с такой чёткостью сохранились в его памяти, что, погружаясь в них, он как бы проваливался в прошлое и всё «вживую» вновь происходило перед его глазами.

...Середина на редкость дождливой весны. Они с бабушкой идут по каштановой аллее. Большая часть деревьев стоят мёртвые, без листьев, без цветов. Бабушка подходит к каждому ожившему дереву, лучисто по-детски улыбаясь, гладит их молодые широкие листья и разговаривает с ними: «мои хорошие, красивые, ожили умнички», – поднимает его, чтобы он попробовал мягкую нежность молодого листа, поднимает его ещё выше поближе к «свечке» каштанового цветка и говорит: «посмотри какая красота!» Где-то в конце аллеи они останавливаются у полу засохшего каштана. На нём всего несколько веток с молодыми листьями и всего одна «свечка» цветка. Бабушка гладит его редкие листья и говорит: «И ты ожил, умница, молодец. Надо жить». А по лицу её текут слёзы. Он спрашивает: «Бабушка, ты почему плачешь?» Она вытирает тыльной стороной ладони слёзы и отвечает: «Я не плачу. Это пылинка в глаз попала. Посмотри, как вокруг красиво. Весна. Всё возрождается... Всё хорошо, малыш. Всё хорошо... жизнь продолжается...» А слёзы уже текут ручьями, которые она не в силах остановит, и она отворачивается, чтобы он не видел этих слёз...

...Они с дедом сидят на лавочке под плакучими ивами у входа в НИИ физики. Ждут его папу. Точнее, сидит дед,

а он ходит по полуразвалившемуся небольшому фонтану, который на его памяти никогда не работал, и подбрасывает ногами пепельно-зелёные опавшие листья. Только конец июня, но ивы уже наполовину осыпались. Листья падают, не успев пожелтеть.

Наконец, появляется папа. По первому же взгляду он определяет, что папа «злой». Этим словом он лет до десяти обозначал все неприятные для него эмоциональные состояния родителей, прежде всего различные формы недовольства его поведением. Папа как-то мельком, без обычных шуток и расспросов, целует его и садится рядом с дедом. Что-то начинает рассказывать... а потом они начинают ругаться. При этом дед, обычно весёлый, уверенный, энергичный, сейчас похож на провинившегося ребёнка, который знает, что что-то делает не так, знает, что ему в этом всё равно придётся сознаться, но очень не хочет этого делать.

Что они говорили, из-за чего ссорились, он тогда не понимал. Лишь через много лет, уже после получения своей первой профессиональной квалификации, он решился расспросить об этом своём воспоминании отца. Тот удивлённо спросил: «Ты это помнишь?», – но ему показалось, что отец сам давно ждал этого вопроса. Ему давно хотелось выговориться, облегчить душу. И сделать это он мог только с ним. Потом они ещё несколько раз обращались к этому разговору. Последний раз перед его первой поездкой сюда. И теперь на «видеоряд» детских воспоминаний естественно, органич-

но ложился реконструированный его мозгом «звукоряд».

– Думал, не выдержу это ритуальное священнодействие – раздражённо говорит папа, садясь рядом с дедом. – Почти шесть часов околонучного шаманства... только желание высказать всё, что я думаю по этому поводу, заставило меня всё это вытерпеть. Так они ж поставили моё выступление последним! И зря. Во мне только больше накопилось всего, что захотелось им сказать. ... это, даже не курсовая работа, так, рефератик, в котором понадёргано всякого, не складывающееся ни в какую целостную картину. Но и это не главное – там просто элементарные ошибки в формулах... я уже не говорю о том, что сама проблема притянута за уши и не представляет ни практического, ни теоретического интереса... всё это я им, естественно, высказал с «высоко трибуны». И знаешь, какая реакция? – Гробовая тишина! Как будто я выругался матом на похоронах или испортил воздух на приёме у английской королевы... А потом Лёха отводит меня в уголок и говорит: «Ну зачем ты так? Ты понимаешь, что теперь ты и на факультет-то прийти не сможешь: тебе никто руки не подаст. Ты же просто оскорбил уважаемых людей, авторитетных учёных. Научный руководитель, между прочим, дважды лауреат, а главный рецензент – членкор...» Я ему говорю: «А они хотя бы прочитали эту работу? Или просто посчитали ссылки на свои „эпохальные труды“, одна половина которых написана 5—10 лет назад и давно устарела, а вторую половину и сами толком не знают, потому, что

они написаны „в соавторстве“. Да и на факультет мне уже приходиться не к кому. Данил, последний, с кем интересно было общаться, сбежал от вас ещё прошлой осенью. Есть ещё у вас пара толковых аспирантов и с десяток не глупых студентов. Но и они от вас рано или поздно сбегут...» И знаешь, что он мне ответил? – «Ты просто завидуешь». У меня аж дыхание перехватило. «Чему?» – спрашиваю. «Тебе – говорит, – уже за тридцать, а никаких званий, премий...» «Ты хоть высунь нос из вашего околонучно-номенклатурного заповедника – говорю я ему, – даже Нобелевская премия уже не более, чем дань традиции, её вручают как знак уважения учёным, реально уже завершившим свой научный путь. Даже на „индекс“ цитирования, которым вы всё ещё так дорожите, реально никто особого внимания не обращает. Только индекс TOLJEU...»

– А зачем ты вообще туда пошёл, – прерывает гневный монолог отца дед. – Ты не знал, что там тебя ожидает?

– Лёха попросил. Вместе учились когда-то... время свободное вроде бы есть... Да хрен с ними. Я это рассказал тебе только, чтобы лишний раз подтвердить: нормальному человеку здесь делать нечего. А скоро просто невозможно будет жить... Мне уезжать только через четыре дня. Вы с мамой спокойно успеете собраться. Вы должны уехать вместе с нами – папа кивает в мою сторону.

Дед молчит. Насупившись, смотрит прямо перед собой.

– Па, ну ты ж умный человек. Ты не можешь не пони-

мать, что эта система находится в пограничном состоянии, разрушить её может всякая малость. Когда **точно ЭТО** произойдёт, не угадаешь. Но произойдёт и очень скоро. Через год, два, может через несколько месяцев. ОНИ уже к этому приготовились. Этот вчерашний президентский указ... эти «специальные антитеррористическое бригады», переданные в «оперативное управление» службам безопасности «стратегически важных» предприятий и организаций. ОНИ ГОТОВЯТСЯ!.. Ты что, уже забыл нашу обратную дорогу из пансионата?! А последнюю поездку на кладбище?! Без тебя с мамой я не уеду!

– Сынок, кому я там нужен. Там и сейчас хватает проблем с пенсионерами и мигрантами. А скоро будет ещё больше. Там тоже будут не лёгкие времена. Им нужны будут только молодые энергичные профессионалы, вроде тебя. Да и не смогу я там жить. В молодости не смог, что сейчас пытаться. А маму попробуй уговорить. Будет заниматься любимым делом: выращивать внуков и цветы...

– Она без тебя никуда не поедет...

– Пожалуй... Но ты всё равно попробуй. Я уж совру: скажу, что надо закончить кой-какие дела, а через пару месяцев приеду к вам...

– Слушай, я не хотел тебе говорить, потому что знаю, что при всём твоём внешнем спокойствии, ты всё это очень глубоко переживаешь. Мы располагаем проверенной информацией, что в конце года – скорее всего в ноябре (в этой

стране «эпохальные» события любят приурочивать к этому месяцу), – будет проведён «Конституционный Совет». Причём в составе никак в Конституции не оговорённом: президент, предсовбеза, главы федеральных округов, председатель Совета Федерации. Не будет даже председателя нижней палаты. Вопрос – преобразование Федерации в Конфедерацию. При этом Совет Федерации будет преобразован в Совет Конфедерации в составе руководителей федеральных округов. Только их. Дума распускается, потому её председателя и не приглашают. А за месяц до этого, синхронно, с интервалом в один-два дня собираются советы акционеров крупнейших компаний страны. А ещё месяцем раньше – в бархатный сезон, в сентябре (эти люди умеют соединять приятное с полезным), – на одном из островов соберутся отдохнуть от трудов праведных с полсотни человек. Каждый, конечно, имеет право на отдых. Но только эти «отдыхающие» контролируют по нашим оценкам от 75 до 80 процентов мировой экономики и до этого в таком полном составе никогда вместе не собирались. Ты понимаешь, что всё это значит?

– Понимаю. Но всё равно никуда не поеду, – упрямо говорит дед.

Папа вскакивает с лавки. Проходит быстрым шагом несколько кругов вокруг фонтанчика, где он продолжают стоять, удивлённый и не замечаемый ими. Снова садится.

– Это же не патриотизм, не геройство. Это – извини, – идиотизм! Ты в самом деле думаешь, что чем-то сможешь

помочь, когда всё это начнётся? Всё, чем ты мог бы помочь, ты уже сделал.

– Во-первых, ещё не всё. А потом... как ты не можешь понять?! Представь, что начинает гореть твой дом, дом, с которым связана твоя жизнь, – и ты просто поворачиваешься к нему спиной и уходишь?...

– Но, если этот дом уже невозможно спасти. И кидаться в пожар – это бессмысленное самоубийство?

– А если в этом доме горит что-то настолько дорогое, что без него тебе незачем жить?..

– Всё дорогое мы спокойно вывезем? Что ты ещё собираешься там спасать?...

– Самого себя...

– Нет, я слушаю Вас, – ответил Александр Ректору. – Меня просто беспокоит предстоящая экспедиция. Слишком далеко придётся углубиться в пустыню. Насколько я знаю, больше пяти лет туда никто не ходил.

– Я Вас понимаю и э-э-э... поражаюсь Вашей смелости...

– Наука требует жертв, – сыронизировал Александр.

Но ректор иронии не заметил и вернулся к своей «больной» теме: «Вот э-э-э... именно как учёный... биолог... что Вы думаете об этой... э-э-э... проблеме? ... В этом году треть студентов первого курса пришлось набирать из Сити... а двоих – тут на его лице отразился неподдельный ужас, – из Города!...»

«Что ж тут удивительного, когда для одних рожать детей –

стало чем-то, не соответствующим их особому социальному статусу, чем-то недостойно-низменным, никак не вписывающимся в их „свободную“ и „утончённую“ жизнь, допускающую только спортивный секс, да и просто у них нет на это времени, а для других искусственно симулируемые – виртуальные, – эмоции, переживания, ощущения давно вытеснили естественные, в том числе сексуальные, и виртуальные половой акт стал намного проще и приятнее натурального. – Кто ж будет рожать?» – хотел ответить он, но уклончиво сказал:

– Я думаю это не столько научная проблема, сколько политическая.

– Я тоже так думаю – тоном заговорщика ответил Ректор, – ведь был же несколько лет назад... э-э-э... удачный эксперимент... почему его закрыли?

Александр внутренне усмехнулся. Он когда-то просматривал отчёты об этом эксперименте. Кажется, лет пять назад, когда вдруг заметили, что за последние два года в Корпорации не родился ни один ребёнок и ни один не «намечался» в обозримой перспективе – просто потому, что естественные половые акты здесь перестали происходить, а виртуальное оплодотворение и виртуальные же роды ещё не изобрели, – была разработана специальная программа. Во время виртуальных половых актов у сотни пар служащих Корпорации взяли необходимый «биологический материал» и сотня с трудом выловленных «натуралок» из Города выносили

и родили эти плоды виртуальной любви. Затем предполагалось отдать их «биологическим родителям». Но те не хотели и не могли с ними «возиться», не только из-за их эгоистичности и инфантильности, но просто потому, что понятия не имели, что делать с ними как с **реальными** биологическими – и уж, тем более, социальными, – «объектами». Потом все новорождённые вдруг исчезли. Скорее всего, в недрах Стадиона...

...В холле совершенно опустевшего административного здания университета их с ректором встречал только одинокий и задумчивый памятник И. Г. Штейнбергу. В этом пустом огромном холле он казался вахтёром-охранником стародавних времён. Штейнберг сидел за столом, стоящим на небольшом возвышении у центральной колонны холла. В грустной задумчивости он взирал на входящих в здание. Только стоящие на столе колбы и архаичные приборы указывали на то, что это не вахтёр и не охранник. Сейчас здесь, наверняка, уже мало кто толком помнил, что же такого великого совершил этот человек. Но памятник бережно сохраняли как важный элемент поддерживаемого мифа «о большом вкладе Университета Корпорации в развитие мировой науки».

Этот Штейнберг был всего на несколько лет моложе его отца. Получил диплом нейробиолога и стал работать в сельскохозяйственной академии, которая в те далёкие годы располагалась в километрах сорока от Города. Тогда, на вол-

не раздуваемой информационной истерии о надвигающейся угрозе мирового голода, в академии разрабатывалась программа создания полусинтетических и чисто синтетических кормов для домашних животных. Отдельным элементом этой программы была разработка комплекса вкусовых симуляторов, которые заставляли бы животных эту бурду есть, и есть, даже, с удовольствием. Идея, если не полностью заменить, то дополнить систему симуляции обонятельных, вкусовых и тактильных ощущений какой-то формой прямого воздействия на «центр удовольствий», приходила, наверняка, многим и до Штейнберга. Но одних отталкивала примитивность этой идеи, не достойная уважающего себя учёного, других останавливала очевидная непредсказуемость отдалённых последствий... Но Штейнберг был человеком без комплексов и уже через год с небольшим презентовал свою серию кормов для самых разных животных. Правда – очевидно, из осторожности, – он старался не акцентировать внимание на главном, что основой его know how было именно прямое воздействие на «центр удовольствий». Чиновники от науки, понятное дело, не стали разбираться в «тонкостях». Главное – производство было дешёвым, эффект очевидным: коровки, свинки и прочая живность лопали штейнбергские корма с удовольствием, в отличие от всех иных кормов. В общем, было чем отчитаться за потраченные деньги...

«Научным достижением» Штейнберга очень быстро заинтересовались спецслужбы, военные и центры космических

исследований. Спец-пища для космонавтов и спецназа в то время уже выпускалась в массовом количестве. Чётко выверенный запас всего, что необходимо организму в соответствии с его состоянием и окружающими условиями, «запрессованный» в мини-контейнер размером со спичечный коробок былых времён. При необходимости – перед «приёмом пищи», – он после активации мгновенно превращался во что-либо внешне и по запаху вполне съедобное: бифштекс, куриный окорочок, пакетик картофеля-фри, банку пива... но, когда всё это начинали есть или пить... в общем, ощущения были «не те». Ели эту пищу brave ребята из отрядов космонавтов и спецназа только в самых крайних случаях – когда начинали подыхать с голоду. А задача стояла – сделать это основной пищей для этих brave ребят, потому что дёшево и очень компактно (стандартный комплект такого «сухпайка» обеспечивал выживание не меньше трёх месяцев). Тут-то и подвернулось «открытие» Штейнберга.

Его быстро перевели в Университет, создали под него засекреченную лабораторию (по размерам фактически целый институт), но потребовали «быстрой отдачи». Штейнберг «успешно справился с задачей». Уже через полгода первая серия «спец-пайков» пошла в элитные подразделения спецназа. Поначалу, генералы были в восторге: солдатики уплетали пайки за милую душу, даже, когда в этом не было особой необходимости. Штейнберг получил две или три премии, не успев защитить кандидатскую, быстро был произве-

дён в доктора...

Но тут вдруг стали проявляться «побочные эффекты». У ребят из подразделений, где испытывались штейнбергские сухпайки стала однозначно проявляться наркозависимость и не контролируемый «рост массы тела». Тревожная информация стала поступать и из животноводческих комплексов, перешедших на штейнбергские корма: у животных стала проявляться немотивированная агрессивность, вплоть до того, что даже кролики стали набрасываться на обслуживающий персонал, нанося своими острыми зубами очень опасные раны.

Программу быстро закрыли. Лабораторию переориентировали на другую проблему. Штейнберга лишили всех титулов и званий и выкинули на улицу.

Это было в самый канун смутного времени Большого Передела, в коем Штейнберг бесследно и канул.

Об «изобретении» Штейнберга вспомнили в Научно-исследовательском Центре Корпорации многими годами позже, после Большого Обвала. Надо было срочно придумать, что делать с «затаренностью» сырыми не переработанными углеводородами. «Проблема голода» многими тогда продолжала считаться актуальной. Для определённых регионов в то время это действительно стало ужасающей реальностью. Но не по объективным причинам, а из-за бардака, из которого так и не смогли выйти после Большого Передела, потому что уже тогда уровень развития биологии и техноло-

гий сельского хозяйства позволял с лихвой обеспечить качественной натуральной пищей всё население Земли. Но умники из НИЦ Корпорации решили «сыграть на теме» и значительную часть «залежавшихся» углеводов направили на производство синтетических продуктов. Для того, чтобы гарантировать успех новых пищевых продуктов действие множества нанонейросимуляторов, создававших комплексную иллюзию вкусовых и прочих ощущений, которыми напичкивалась эта пища, было дополнено особыми нанонейроботами, воздействовавшими и на «центр удовольствия». Правда, их действие было не таким агрессивным, как в первых штейнбергских продуктах. В зависимости от назначения пищи оно дополнялось воздействием и на центры других эмоциональных состояний. Но, главное, чтобы держать «процесс приёма пищи» под контролем во избежание возможных непредвиденных реакций, был разработан специальный Пищевой Модуль, которыми стали в обязательном порядке (но без всякого информирования людей об этом) дополняться Идентификационные Чипы, уже много лет вживлявшиеся всем работникам Корпорации и «лояльным гражданам патронируемых территорий» по достижении двенадцатилетнего возраста.

Работа по совершенствованию как самой синтетической пищи, так и Пищевых модулей не прекращалась все эти годы, продолжается и теперь. Собственно, это основная «научная» программа, финансируемая Корпорацией. А их произ-

водство стало давно уже одним из главных направлений её деятельности. Красочно, эффектно упакованная, тщательно подобранная по составу с биологической и медицинской точки зрения, она выпускалась в широчайшем ассортименте, рассчитанном на разные возрастные категории, природно-климатические условия и пр. Но потребляли её в основном работники Корпорации, жители патронируемых ею территорий и страны обширных депрессивных регионов центральной Азии и Африки. Даже для free-town'ов правительства восточных и западных стран предпочитали приобретать что-нибудь более качественное и натуральное.

В учебных гэмблах для студентов Университета и рекламных клипах, подготовленных Информационной службой Корпорации для потенциальных потребителей продукции, вся эта история излагалась в лубочном варианте: Штейнберг – не понятый гений; руководство Корпорации – мудрецы и гуманисты, спасшие человечество от голода. Но во всех вариантах этой истории замалчивался один занятный факт. Когда новая пищевая продукция Корпорации стала выпускаться в уже приличных промышленных масштабах, вдруг объявилась жена Штейнберга, которую полагали тоже сгинувшей в пучине Смутного времени. Старая, невзрачная, замученная жизнью женщина. Она предъявила права как наследница авторских прав изобретателя. И просила-то в общем-то немного, просто чтоб хватило безбедно, без лишения дожить последние годы жизни. Но, руководители Кор-

порации были хоть и гуманистами, но прибылью делиться ни с кем не хотели, тем более, с какой-то «выжившей из ума старухой». Её сначала объявили сумасшедшей, а затем за-таскали по судам, на которых она должна была доказывать, что действительно была женой Штейнберга. Так она и умер-ла во время одного из процессов, не получив от Корпорации ни гроша.

У ректора был хоть и большой – положение обязывало, – но вполне уютный кабинет. Натуральные дерево, кожа, стек-ло и бронза. По стенам – картины и фотографии (по-старин-ному отпечатанные и помещённые в изящных рамах из де-рева). Из электроники только большой, во всю стену – обыч-ный для всех кабинетов руководителей, – интерактивный модуль FV-визуализации за столом и поменьше на самом ра-бочем столе. И в дальнем углу у дверей, почти незаметный, – медийный визуализатор, который, к счастью, сейчас молчал, потому что время обязательных для просмотра новостей ещё не наступило.

Самым замечательным в кабинете был светильник, стояв-ший на столе. Когда два года назад Александр первый раз оказался в этом кабинете, светильник не работал и то, что это светильник, он тогда не знал. Его поначалу привлекла необычная форма этого предмета: в виде причудливо сти-лизованной буквы G. Он как-то мимоходом отметил про се-бя эту необычность. И у него вдруг появилось странное чув-ство: ему показалось, что где-то что-то подобное он уже ви-

дел. Это неожиданное дежавю так озадачило его, что, едва выйдя из кабинета ректора, он тут же переадресовал свою озадаченность Эду. Увидев результат, усмехнулся: «Ну конечно! Как я мог забыть!» После возвращения домой во время разговора с отцом, делясь впечатлениями о поездке, он рассказал ему этот случай. Отец рассмеялся: «Плохо же ты изучал историю», – но тут же примирительно сказал: «Тебе простибельно. Ты почти не жил в той стране», – и, криво усмехнувшись, добавил: «Осколки былого величия...»

Когда через год Александр вновь оказался в кабинете ректора, он при первом удобном случае попросил дать ему рассмотреть этот странный предмет. Ректор обрадовано оживился: «Да, это редкая вещь. Не побоюсь сказать – уникальная, – в охватившем его неожиданном возбуждении он говорил без обычных запинаний и мямлиния. – Хрусталь ручной огранки. Но, к сожалению, давно не работает: светодиоды много лет как сняты с производства, да и элементы питания тоже».

Александр взял в руки этот странный предмет. С «площадочки» вертикального «пенёчка» буквы G безжизненно свисали не видимые на расстоянии древние нитяные светодиоды, под основаниями которых просматривались отверстия мини вентиляторов.

– Эти светящиеся диоды в потоках воздуха создавали полную иллюзию живого пламени. Свет причудливо играл в гранях хрусталя... очень красиво смотрелось, – вздохнул Рек-

тор. В его голосе было столько подлинного чувства – ностальгии, грусти, утраты... Александр почувствовал к этому раньше не внушавшего ему никаких симпатий человеку, жалость и сочувствие и неожиданно для самого себя предложил ректору поискать кого-нибудь в Городе, кто бы мог починить светильник. Ректор некоторое время колебался, опасаясь, как бы светильник не испортили окончательно. Но Александр уверил его, что отдаст светильник только в очень надёжные руки. И, действительно, с трудом, но ему удалось найти в Городе человека, который починил этот светильник.

Когда он принёс светильник ректору и включил его – зрелище действительно было очень красивое, – тот радовался как ребёнок и его, вдруг, прорвало: «Знаете, мне ведь его подарили в последний юбилей той великой компании, в руках которой была когда-то эта страна, – он говорил возбуждённо, быстро, без заминок, – сейчас нет ТОЙ компании, да и страны, фактически нет. Жадные самоуверенные выскочки из Восточного управления! Раньше мы держали в кулаке пол мира! А сейчас? Создали полдюжины корпорации, которые интригуют друг против друга! ... Я ведь когда-то работал в Столице. Ещё в *той*. В *том* величественном здании... Да Вы ж ничего этого не знали. Вы вообще бывали в Столице? Я несколько лет назад решил сдуру поехать посмотреть. Эти развалины на десятки километров во многих местах уже заросшие лесом... эти страшные провалы... Этот Разлом, расколовший город на две половины... жуткое зре-

лице... Слава богу, я не видел, как всё это происходило. Мне вовремя намекнули на предстоящие перемены. Я, ведь, занимал там не последнюю должность, хотя, конечно, в высший круг не входил. А то жил бы в Goldtown'е. Но зато вовремя – до Раздела, – перешёл главным инженером сюда в Юго-западное управление. Передел и Смутное время пережил здесь без особых проблем. Этот район хорошо защищался элитным спецназом. Он тогда ещё рассматривался как стратегически важный. В созданной новой Корпорации – ещё той первой, чисто транзитной, – поначалу руководил Технологической службой... потом начались эти слияния-разливания, модернизации... какое-то неизвестно кем сделанное оборудование, по неизвестно какой технологии... Впрочем, Вамто, наверно, известно – Ректор бросил на него неожиданно злой взгляд, – это ж Ваш Совет рекомендовал этот проект – но быстро взял себя в руки. – ...в общем, последние десять с лишним лет я возглавляю этот университет...»

...Светильник исправно работал. Ректор заметил взгляд, брошенный Александром на светильник. Пробормотал невнятно благодарность за его починку. Было видно, что ему неловко было вспоминать свои прошлогодние откровения. Александр сделал вид, что он ничего и не помнит, и стал рассматривать фотографии на стенах. Ректор успокоился и хозяйственно засуетился: «Чем же мне Вас угостить? ... я тут недавно приобрёл у одного „искателя“ интересное винцо... точнее не я, мой зам. по безопасности... я сам в такие со-

мнительные места, как Рынок Под Эстакадами, не хожу. По-баиваюсь... Вы знаете, что в этих краях раньше – до Смутного времени, – делали неплохое вино? Сейчас это трудно представить, но здесь когда-то были огромные виноградники. Я сам их видел... Господи! Как это было давно!»

Александр не только это прекрасно знал. Он сам видел эти виноградники, и пил это вино. «Пил», это, конечно, громко сказано. Три раза дедушка с бабушкой успели на пару недель вывезти его в пансионат, находившийся в паре сотен километров к востоку от Города. Пока не произошёл тот злощастный инцидент на обратном пути.

Рядом с пансионатом вдоль уже порядком обмелевшей и давно не судоходной, но ещё живой реки, на километры тянулись ряды виноградников. В первый же вечер их первого приезда в пансионат – ему тогда было три с небольшим года, – дед за ужином налил ему маленькую ликёрную рюмочку ароматного рубинового напитка. Бабушка набросилась на деда: «Ты с ума сошёл!..» Дед возразил, что в рюмке не больше столовой ложки вина. Пусть бабушка, мол, считает это причастием. «Не богохульствуй!» – сказала бабушка, но мешать «причащению» не стала...

Ничего этого Александр не стал рассказывать Ректору, а просто согласился попробовать его недавнее приобретение...

Слава богу, Ректор не стал его провожать. Сослался на какие-то срочные дела (это почти в полночь-то). Но Александр

прекрасно знал, что как только дверь кабинета закрылась за его спиной, Ректор удобно устроился на одном из просторных диванов и переключил свой Информационный Модуль в режим Иллюзиона. Он чувствовал сейчас не только боязливую жалость, испытываемое им ко всем «иллюзионистам», – но и какое-то понимающее сопереживание. Даже, сострадание к этому когда-то, очевидно, неглупому и деятельному человеку, «вина» и беда которого заключалась, только в том, что десятилетия назад он безоговорочно доверился Системе, которая в один совсем не прекрасный день вдруг в одночасье развалилась, и он оказался выброшенным в «отстойник», на свалку, как отработанный шлак, «пустая порода». Он представил себе, как Ректор много лет назад – в начале своей «ректорской карьеры», – пытался удерживать преподавателей, которые реально что-то знали и что-то могли и, главное, хотели делать. Но они один за другим уезжали, в лучшем случае, соглашаясь какое-то время работать дистанционно. Как один за другим стали уезжать толковые студенты, а вскоре они просто перестали появляться. Он представил себе, как Ректор приезжал в Goldtown к бывшим друзьям и сослуживцам, пытаясь найти у них понимание и поддержку. Как поначалу они его радушно, но несколько высокомерно встречали, и на все его просьбы уклончиво отвечали, что «постараются», но тут же ссылались на «трудные времена» и на то, что «не один я решаю». А позже, если и находили время для встречи с ним, уделяли ему считанные ми-

нуты, ссылаясь на какие-то совершенно срочные дела, так что до просьб дело даже не доходило. И Ректор перестал куда-либо выезжать, закупурился в этом «обезьяннике».

Он представил себе, как Ректор между сессиями, во время которых здесь была хоть видимость жизни, проводит еженедельные совещания-планёрки и ежемесячные «учёные советы», на которых фактически ничего не решалось, мучается скукой на party. Как в окружении этих сомнамбул, которые и из дома-то выходили только по необходимости, да и в эти моменты более походили на био-ботов, он поначалу пытается что-то делать, следить за научными и технологическими новостями, вести свои исследования... Но, однажды, в момент, когда всё захлестнула давящая тоска, ощущение безысходности, когда ему, вдруг, стало ясно, что всё, что могло произойти интересного и стоящего в его жизни, уже произошло, и всем на это и на него наплевать, – он приобрёл для своего Информационного Модуля опцию Иллюзиона. Вначале – как он уверял сам себя, – просто, чтобы «узнать, что это такое»...

– Интересно, куда он сейчас «вошёл» – подумал Александр. – Наверное, в какую-нибудь сентиментальную жвачку в бытовом антураже полувековой давности, с офисными романами и интригами, с прогулками на дорогих яхтах и вечерами в казино, а он сам в роли эдакого «мачо»...

Ему, даже, вдруг, захотелось сейчас же связаться с Дэном по закрытому каналу, попросить подключить его Информа-

тор к ректорскому стриму. Но он тут же сам себя остановил: мальчишество и подлость. Какое это имеет значение. Да и уподобляться Службе Безопасности Корпорации?!...

Первые «Иллюзионы» появились много лет назад практически одновременно с Информационными Модулями Идентификационных чипов: как это обычно бывало, новая легальная услуга тут же была дополнена своей нелегальной тенью. Они, естественно, тут же были запрещены и с их распространением начали рьяно бороться спецслужбы. Но в ТОЙ СТРАНЕ эта борьба быстро привела к тому, что рынок «иллюзионов» стал контролироваться некоторыми структурами спецслужб. Рынок рос стремительно. Это стало внушать всё возрастающую обеспокоенность и зависть другой части спецслужб, контролировавших рынок традиционных наркотиков. Началась необъявленная война, которая поначалу имела вид боестолкновений криминальных группировок, контролировавших соответствующие рынки под «колпаком» разных подразделений спецслужб.

«Иллюзионы» быстро и уверенно одолевали «противника». Они были дешевле – подключил один раз и забудь о «дозе» (программы – особенно если их приобретать абонемен-тами, – почти ничего не стоили)! Они не приносили вреда организму (голова не в счёт – кому она нужна?!) И кайф можно было получать по заказу, «на любую тему».

Последняя точка в этой борьбе была поставлена, когда наступили времена Смуты Большого Передела. Причин бы-

ло много. Трудности с наркотрафиком в условиях боевых действий и административного бардака, когда любой командир взвода решал судьбу попавшего в его руки «транспорта». Катастрофически упавшая покупательская способность и голод, когда главным «наркотиком» как в древнем анекдоте стало сало. Миллионные миграционные волны, перекатывавшиеся по стране, которые уносили с собой низовых дилеров, в результате чего рушилась инфраструктура сбыта... Много чего. Но, главное, Смута наглядно продемонстрировала одно несомненное преимущество Иллюзионов – возможность тотального контроля «массой». Обычные наркоманы не представляли, конечно, никакой реально угрозы, но их агрессивная непредсказуемость требовала держать немалые подразделения Внутренней охраны в местах их проживания. А те, кто успел «подсесть» на Иллюзионы, тихо сидели по домам, погружённые в мир грёз, которые им услужливо создавали информационные подразделения спецслужб. Многие из них в те годы – по юго-западному региону их было по оценкам экспертов более трёхсот тысяч, а в целом по стране счёт шёл на миллионы, – медленно угасли от истощения...

Потом появилась спасительная корпоративная еда с её Пищевыми модулями. Их работа изначально была интегрирована с работой Идентификационных чипов. Вначале программно, а вскоре и все модули – Безопасности, Пищевой и Информационный, – были соединены в единый ИЧ. Их работа давно уже полностью контролировалась Электронным

Мозгом Корпорации. При этом – как ему говорили ребята, занятые в обслуживании Мозга, – примерно половина его ресурсов тратится на обслуживание Иллюзионов: генерирование «gamblov», а затем запись и хранение их проигрывания всеми служащими Корпорации. Таким же образом фиксировалось абсолютно всё, что делали, говорили, ели, пили все служащие Корпорации. Самое интересное, что все они это знали, но воспринимали как трогательную отеческую заботу Корпорации, которая таким образом оберегала их от «информационных террористов». В действительности никто из Службы безопасности ничего этого почти не смотрел. Кому было интересно следить за этой тупой, однообразной растительной жизнью. Она – жизнь служащих Корпорации, – начинала вызывать интерес у Службы Безопасности только, когда Электронный Мозг, вдруг, начинал фиксировать какие-то отклонения от привычного поведения: изменения предпочтений в выборе программ Иллюзиона, еды и напитков, но, особенно, при изменении привычно используемых слов и выражений. Периодически Службой безопасности проводились показательные акции. Случайным образом вылавливался какой-либо служащий, из любителей слишком уж извращённых гэмблов. Вспоминали столетний закон о запрете Иллюзионов, который формально никто не отменял. Для больше острастки говорили ему, что программы Иллюзиона, которыми он пользовался последнее время, поставались «информационными террористами». Опцию «иллю-

зиона» у бедолаги отключали и об этом трубили дня три во всех новостях. Несчастный пару недель маялся, не находя себе места. Потом появлялся знакомый, который, намекая на свои особые связи в Службе Безопасности, за умеренное вознаграждение эту опцию восстанавливал. И всё опять шло привычным чередом. Но зато для всех служащих Корпорации её Служба Безопасности была чем-то вроде Всевидящего – почти божественного, – Ока.

Александр постоял некоторое время в нерешительности: утром он собирался рано, ещё до рассвета, вставать, – стоило ли на четыре часа возвращаться домой? Может, лучше...? Нет. Всё равно надо будет возвращаться домой переодеваться. Да и «наобщался» он уже за сегодняшний день. Устал. Надо хоть несколько часов поспать. И он направился к широкой аллее, которая вела прямо к дому, где он здесь жил.

Он очень не любил гулять здесь по ночам. Но вызывать машину, чтобы проехать несколько сот метров? Придётся прогуляться. Плитка аллеи услужливо увеличила яркость, кусты роз и причудливой формы деревья выступили из голубоватого сумрака в разноцветных лучах бегущей от него вперёд подсветки... Но над всем этим было давящее абсолютно чёрное небо – ни звёзд, ни Луны. Луну ещё можно было здесь видеть в форме искажённо уменьшенного мутного пятна – сейчас она просто ещё не вошла, – но звёзд здесь никогда не было видно. Купол был сделан здесь из дешёвого материала без автоматически регулируемой светочувстви-

тельности. А летом, защищаясь от палящего Солнца, устанавливали такой уровень светоотражения, что свет звёзд через Купол не проникал. А он так любил звёздное небо...

Он не дошёл пары десятка метров до Развлекательного Центра, который прилепился у правого края аллеи, когда на его фасаде включился огромный – высотой в два этажа, – медийный full-volume визуализатор. Полночь. Наступило время Новостей. Их показывали через каждые три часа. И они были обязательны для просмотра всеми служащими Корпорации. На всех медийных визуализаторах они запускались автоматически. Их невозможно было отключить. Во время «работы» для них устраивались специальные перемены. И все «гэмблы» Иллюзионов на это время блокировались, а их пользователи принудительно вводились в «состояние бодрствования».

– Не повезло, – подумал Александр, – немного не успел. Дома он смог бы избежать этого «удовольствия»: он не был служащим Корпорации и дома у него не было ни одного медийного визуализатора. А здесь – в нескольких метрах, на огромном объёмном «экране», – волей-неволей будешь смотреть эту хрень.

«Новости» в сущности всегда были одни и те же. Вначале показывали, как Президент или Вице-президент Корпорации заключали какой-нибудь контракт на поставку продукции Корпорации. В основном это были контракты на поставку искусственной пищи или тех примитивных материа-

лов, которые производила Корпорация без принципиальных изменений уже лет десять, реже топлива, которое ещё использовалось во многих странах в резервных двигателях военной и спасательной техники и резервных системах жизнеобеспечения городов; после очередной волны мощных ураганов эти топливные запасы вынужденно пополнялись. Затем шли новости с предприятий Корпорации, которые рассказывали, как на том или ином из них начали выпускать новый вид искусственной пищи с, ну просто, невиданно полезными свойствами, или новые невиданной красоты корпуса для town-car, или новую линейку ткани с какими-то необычными свойствами. Потом рассказывали о доблестной Службе безопасности, предотвратившей очередную попытку «террористов» проникнуть к жизненно-важным объектам Корпорации. «На закуску» – что-нибудь из «светской хроники», какой-нибудь «шикарный приём» или «великосветскую вечеринку» ... Исключения из этого неизменного «репертуара» допускались только, когда в каком-то районе Земли наступал Сезон Ураганов. Тогда практически все новости были только об этом.

Показ «новостей» через каждые две-три минуты прерывался рекламой новых «гэмблов». И сейчас, хотя он шёл, стараясь даже не смотреть в сторону визуализатора, его боковое зрение неожиданно зафиксировало что-то необычное в этой рекламе.

Он повернул голову к визуализатору. Вот оно что. Од-

на из его студенток вышла в главного «перса» одного из «гэмблов». Подавляющее большинство здесь потребляли «гэмблы» в «пассивном режиме»: просто заказывали определённый сюжет, предпочтительный комплекс ощущений и эмоциональных состояний, иногда природный или исторический антураж... и дальше просто «ловили кайф» в этом потоке видений. Только изредка вносились «по ходу дела» коррективы, вроде, «я не хочу быть в жёлтом, хочу быть в розовом, – и разрез чтоб поглубже», или, «никакого огнестрела – я его замочу мечом», или, «машина должна быть побольше, с таким фуськами сзади и таким хрениками спереди и зелёного цвета, переходящего в фиолетовый» ... ну и тому подобное.

Но часть особенно «продвинутой» и «креативной» молодёжи, в основном студентов Университета, создавали своих героев «гэмблов» и сюжетные линии для них. Особого ума и усилий для этого тоже не требовалось. Было множество программ для этой цели. Сделал свой бодискан, из миллионов, хранящихся в памяти Мозга Корпорации «сцен действия», вариантов развития сюжетов, «прикидов» и прочего внешнего антуража понадёргал всякого, закинул всё это в программу, и она слепила какую-то удобоваримую, более или менее целостную конструкцию. Мозг Корпорации активно поддерживал это «творчество». Созданные таким образом «персы» и сюжеты внедрялись в популярные «гэмблы» или, даже, на их основе создавались новые сериа-

лы.

Созданный таким образом «перс» его студентки и попал в один из популярнейших «гэмблов». Судя по промелькнувшим фрагментам сюжетов, – что сексуально-героическое: сотрудница линейного техконтроля срочно выезжает на расположенную глубоко в пустыне подстанцию. Попадает в засаду террористов. Она уничтожает целую гору этих террористов, но её всё равно захватывают. Однако, в плену под её сексуальными чарами оказывается вся их банда, включая главаря. Бандиты сражаются между собой за право обладать ею. Начинаются сексуальные оргии на горах трупов. И это затягивается на многие-многие серии.

Некоторую странность, связанную с этой студенткой он заметил ещё на первой консультации. Она сидела на консультациях как-то особняком. Поначалу ему казалось диким – но сейчас он уже немного к этому привык, – что в огромной аудитории (они ещё остались с былых времён, рассчитанные на несколько сотен студентов) студенты разбредались по её разным углам небольшими стайками по пять-семь человек. Одежда, причёски, даже лица и фигуры (не зная возможностей современного биомоделирования, их можно было принять за близнецов) были внутри группки настолько же единообразны – лишь с небольшими вариациями цвета и мелких деталей, – насколько контрастно-непохожие между группками. При этом каждая группка всячески демонстрировала другим своё надменное пренебрежение, а то и пре-

зрение и, даже, агрессивную неприязнь. Вскоре он понял, что так разделяло их – приверженность разным сериалам «гэмблов» и «музыкальным стилям». Группки эти не отличались особым постоянством. Иные исчезали уже к следующей консультации и вместо них появлялись новые, иные недели, другие росли – порой человек до десяти-двенадцати.

Эта студентка – без идентификатора он не мог вспомнить её имя, они все были для него «на одно лицо», точнее без лица, так часто они их меняли, – сидела на консультациях одна. На небольшом удалении от неё сидела группка студентов, внешне похожих на неё как сёстры-близнецы, украдкой бросавших на неё завистливо-уважительные взгляды.

Он ещё тогда обратил внимание на её более чем у других экстравагантное поведение, которое он в тот момент списал на обычную неадекватность, характерную для людей очень глубоко «подсевших» на Иллюзион. На ней был короткий свободный хитон из лёгкой тонкой ткани, которая при каждом движении меняла не только цвет и рисунок, но и прозрачность, так что периодически на какие-то мгновения она оказывалась абсолютно голой. Но это совершенно не привлекало и никак не «возбуждало», так же, как нормального человека не мог «возбудить» вид «раздетого» биобота-манекена в витрине магазина. Но она, видимо, так не думала. Получив отметку о прохождении Теста, она вдруг изогнулась в игривой кошачьей позе и с придыханием спросила: «А разве секс-теста у нас не будет?» (вообще-то её вопрос буквально

звучал так: «professore perk sexta нет?» Сейчас он уже привычно сам перевёл эту тарабарщину на нормальный язык. А первое время ему пришлось даже настраивать на перевод этого «языка» свой Переводчик. Они говорили короткими в три-четыре слова предложениями. А сами «слова» были какими-то огрызками нормальных русских, английских и итальянских слов, лишь некоторые, казавшиеся, очевидно, им особенно звучными, произносили полностью). «Только по желанию, – сыронизировал он в ответ, – у вас есть партнёр?» «Я думала, что им будите Вы. Говорят, ЭТО доставляет настоящее удовольствие только с «натуралом.» – «Надо было записаться в очередь» – «Запишите меня, пожалуйста. С нетерпением буду ждать следующего года» – и она удалась, игриво покачивая периодически обнажающейся задницей.

Теперь всё ясно, подумал он: слишком вошла в роль. Чёрт возьми, в иные времена или в ином месте из неё могла выйти неплохая актриса... или, может, просто обычная порно-звезда?..

За прозрачной стеной Развлекательного центра он увидел группу студентов – только ребята, смешанные, разнополые компании в свободное время здесь практически не встречались, – одетых в комбинезоны, имитирующих защитные термокостюмы Внешней Охраны Корпорации. Они, выйдя из тупого оцепенения, с каким наблюдали новости, весело гогоча, тыкали пальцами в медийный визуализатор в зале

Центра. Но как только реклама сериала закончилась и опять пошли новости, обмякли в своих креслах в позах равнодушного ожидания.

– Эти пока ещё способны испытывать хоть такие примитивные, но естественные, эмоции, – подумал Александр, – лет после сорока, они и на это уже не будут реагировать.

«Сэр Вольдемар»

В доме горело всего несколько десятков окон. Не потому, что все уже спали, а потому, что здесь почти никто не жил. Только пара десятков старых работников Университета. Он купил здесь квартиру – к удивлению многих, потому что все дистанционные преподаватели, приезжавшие на несколько дней в году на сессии, обходились гостиницей, – из-за того, что это был один из немногих сохранившихся старых домов. Он помнил его ещё с детства. Правда, тогда он был повыше, кажется, этажей двадцать. Когда строили Купол, здание решили сохранить, но восемь верхних этажей «срезали». Он выбрал именно этот дом потому, что только здесь смог найти квартиру более всего напоминавшую ему квартиру дедушки с бабушкой. Их дом, как и почти все дома располагавшегося когда-то здесь большого жилого района, оказались в Зоне Гидрологической Защиты и были снесены. Два года назад – в свой первый приезд сюда, – он специально задержался на неделю, и потратил её на поиски в Городе обстановки, посуды и другого бытового антуража, которые больше всего соответствовали тем вещам, которые, как он помнил, были в их квартире.

Это достаточно удачно удалось сделать. Только вместо телевизоров и дедушкиного компьютера он поставил терминалы современных Информаторов и since-tech визуализаторов.

Только он зашёл в квартиру, как Помощник голосом потомственного староанглийского камердинера тут же вежливо-скорбно произнёс: «Вы всех сегодня очень заставили поволноваться, сэр. Вас сутра безуспешно разыскивали: начальник местной Службы Безопасности Корпорации – восемь попыток контакта; секретарь Главы Регионального Управления Корпорации – четыре попытки контакта; какой-то „Рыжий Махмуд“ – десять попыток контакта. И сэр Вольдемар – двадцать шесть попыток контакта, причём, последние одиннадцать он заканчивал очень нелестными высказываниями о Вас, сэр.»

– Да, извини, что доставил тебе столько беспокойства. Перед экзаменом отключил свой моби-информер, а потом забыл включить. Знаешь, нахлынули воспоминания...

– Понимаю, сэр. Сейчас Вас связать с кем-нибудь из них?

Он, в общем-то, догадывался, из-за чего его разыскивали люди, перечисленные Помощником. Все вполне могут подождать до утра. Но «Вольдемар» с его обидчивостью... с ним лучше поговорить...

«Вольдемар», конечно же, сидел в своём кабинете Библиотеки, заваленный старыми книгами, журналами и газетами. Сумрачно-раздражённо он смотрел на Александра с плоской проекции его домашнего информ-модуля. Александр поспешно упреждающе извинился за отключённый Информатор и спросил, что случилось.

– Ничего не случилось – смурно буркнул «Вольдемар», –

просто хотелось повидаться перед твоим отъездом.

И Александр понял, что есть серьёзный разговор.

– Сразу с утра у меня давно назначена встреча в Службе Безопасности. Потом визит в региональную Администрацию. Ну, ты понимаешь... все эти согласования на выход из Зоны Безопасности... потом у меня кой-какие дела в Городе... но я мог бы сначала заскочить к тебе...

– «Заскакивать» ко мне не надо. Придёшь, когда будет свободное время. Я завтра никуда отсюда выходить не собираюсь, – и «Вольдемар» растворился в воздухе.

Александр улыбнулся: Вован в своём репертуаре... Когда он только появился здесь, ректор «знакомя» его с другими преподавателями, представил «сэра Вольдемара» так: «Есть у нас ещё ...э-э-э... один преподаватель... но вы вряд ли с ним... э-э-э... встретитесь... у вас совершенно не ...э-э-э пересекающиеся... области знаний. Да и слава богу... очень... э-э-э странный человек... хотя рекомендовал ваш Научно-технологический Совет».

Как оказалось, это «странный человек» преподавал здесь историю. И притом жил здесь месяцами. Это делало его ещё более странным, потому что и в более приличных учебных заведениях историю преподавали и сдавали дистанционно. А уж ту, которую преподавали здесь: историческая миссия человечества, начиная с изготовления первого каменного рубила, его главное предназначение – создание Корпорации...

Их первая встреча произошла в Библиотеке. Он зашёл туда первый раз чисто с ознакомительной целью. Сидел в информационно-справочном зале, в поисках чего-нибудь необычного наугад открывая разные разделы рабочего каталога, где хранилась ещё полностью не обработанная и не переданная в Единую БД информация... И, вдруг, как из-под пола рядом с ним появился странный тип. Первое, что бросилось в глаза – его очки. Они, как он узнал позже, обладали многими полезными свойствами, но внешне выглядели как обычные оптические очки вековой давности, которые уж давно никто не носил. Прочий «прикид» был соответствующим: по виду стародавние джинсы с широким кожаным поясом, на котором красовалась огромная бляха с буквой А в круге на фоне трилистника, и такая же джинсовая куртка на голое тело.

Не представляясь и не здороваясь, этот тип назвал полностью – фамилия, имя, отчество, – его деда и спросил: – Это твой родственник?

– Это мой дед, – обескуражено ответил Александр.

«Тип» таким же образом назвал его отца и уже сам вывел заключение: – Это, стало быть, твой отец, – и после паузы добавил, – достойная родословная, ей трудно соответствовать.

Он повернулся, намереваясь уходить.

Александр оправился от неожиданности и, сдерживая волнение, спросил: «Вы их знали?»

– Лично, нет – не поворачиваясь, зло, как тогда показа-

лось Александру, буркнул «тип» и стремительно вышел.

Немного придя в себя от этой неожиданной встречи, Александр нашёл в базе Совета официальную биографию этого «типа». Она тоже была необычна. Он был на одиннадцать лет старше его, но свою первую профессиональную квалификацию категории «А» получил всего четыре года назад (по истории, причём тема его «шедевра» была необычна, она была посвящена катарам) и тут же добился направления именно в этот Университет и в этом ему действительно активно содействовал Научно-технологический совет Корпорации. А вся его биография начиналась с двадцати двухлетнего возраста, с момента его поступления в Сорбонну на исторический факультет. И по прямой рекомендации Международного Экспертного Совета. Вся предыдущая жизнь сводилась к году и месту рождения. И этим местом рождения был Город.

– Когда ВСЁ ЭТО ПРОИСХОДИЛО, он был в Городе, – вдруг понял Александр.

Он решительно встал и направился на поиски своего нового знакомого. Довольно быстро нашёл его в кабинете Шеф-Администратора. Тот никак не среагировал на его приход, даже не поднял голову от стола.

– Вы знали моего деда – не вопросительно, а решительно-утвердительно сказал Александр.

– Его многие в своё время знали. Он ТОГДА был очень популярен в определённых кругах, – не поднимая головы

от стола, спокойно ответил «тип», – хотя лично я ТОГДА не принадлежал к его сторонникам: дури в башке было много.

– Когда Вы его видели в последний раз!?

– Перестань «выкать» – меня это раздражает. Я видел твоего деда один единственный раз. Ночью во дворе нашего дома из окна своей квартиры. Он вышел из соседнего подъезда с двумя своими друзьями, которые жили в квартире через стену с нашей. А через десять минут в дом нагрянула группа захвата и перерыла его от подвала до крыши.

На этом их первый разговор и закончился. После этого Александр ещё несколько раз заходил в Библиотеку, в основном в её Информационный Центр для связи по закрытому каналу Совета. Заглядывал по пути в кабинет Шеф-Администратора, но застать там нового знакомого ему не удалось. А специально искать его он не стал. Ясно было, что чем больше такого человека будешь «доставать», тем меньше от него узнаешь.

Когда по возвращении он рассказал об этом «странном типе» отцу, тот сказал: «Манера общения говорит не столько о самом человеке, его характере, сколько о жизненных обстоятельствах, в которых прошли его детство и юность. Это замечательный человек, очень любознательный и целеустремлённый, с очень сильным от природы чувством справедливости... и на самом деле очень мягкий, добродушный и с прекрасным чувством юмора. Просто очень долго жизнь

заставляла всё это срывать, чтобы сохранить. Да и чувство обиды в нём ещё сильно... но мне не стоит рассказывать о его жизни. Ты же знаешь это не в наших правилах. Когда он захочет, он сделает это сам». – «Но он сказал, что лично не знаком с тобой. Откуда же ты знаешь о его жизни? Тебе кто-то о ней рассказал? Или он соврал?» – «Такие люди не врут. Они мало говорят. Но если говорят, то правду. Он действительно меня не знает. Но мы обсуждали его кандидатуру... – отец замялся, потому, что Александр тогда ещё не был *посвящён*, – ... в общем, с несколькими друзьями мы решали, как ему помочь. Его *нашёл* дядя Серёжа. Он тогда и рассказал нам его историю. Но это, сам понимаешь, совсем другое дело... Думаю, ты в этом обезьяннике не очень загружен. Ты мог бы кое-кому помочь, а заодно это поможет тебе наладить отношения с Владимиром».

Конечно, он согласился помочь. Для этого ему, как оказалось, надо было срочно повышать профессиональную квалификацию по радиоп физике и средствам коммуникации минимум до уровня «С» и программированию операционной среды для информационных систем до уровня «D». А он тогда только что получил допуск для участия в исследовательской программе Евразийского космического центра по моделированию растений. Да и в его собственной программе по биоэнергетике он стал выходить на нечто нетривиальное и намеревался в течение ближайшего года выйти на настоящее открытие... И от участия в традиционном музыкальном

фестивале невозможно было отказываться... в общем, годок по напрягу вышел ещё тот...

Но зато через год он приехал сюда с целым набором «black-box'ов» процессоров последнего поколения, новыми traffic-protocol'ами для закрытых каналов и последней версией ОС для информационных систем. Он всё это должен был установить в Библиотеке.

«Библиотекой» этот комплекс назывался по традиции и из уважения к главному, что собиралось и хранилось здесь – книгам. Но кроме книг здесь хранились коллекции фотографий, аудио и видеозаписей на всевозможных носителях, документы, рукописи и базы данных, уникальные артефакты ... всё информационно-ценное, что удавалось найти в Городе и его округе. Центром всего этого были Электронный Мозг Библиотеки, который даже в автономном режиме в десятки раз превосходил мощность Мозга Корпорации, и Информационный центр, поддерживающий несколько тысяч защищённых каналов связи.

Центральное здание этого комплекса несколько десятков лет назад было зданием университетской библиотеки. Последние годы своего существования она и так переживала нелёгкие времена, по сути была забыта и заброшена. А когда начались все эти природные и социальные катаклизмы и Университет – уже полностью перешедший к тому времени «под крыло» Корпорации, – начали собирать под Куполом на западной окраине, куда были перемещены администра-

тивные службы и факультеты, ранее разбросанные по всему Городу, – перенос под Купол библиотеки сочли не нужным, а затраты на эти цели «экономически не целесообразным». Она стояла заброшенной несколько лет. Здание ветшало. Но коллекции особенно не пострадали. Небольшому разорению подверглись служебные помещения и читальные залы, но хранилища почти не тронули: книги в те времена не были в цене. Потом вдруг появился какой-то сумасшедший, который предложил Корпорации продать здание библиотеки со всем её содержимым. Корпорация с радостью согласилась, поскольку к тому времени эта часть Города уже давно была всеми покинута и совершенно заброшена, и земля, и здания здесь давно уже ничего не стоили. Вскоре тот же сумасшедший купил за бесценок у Города землю в радиусе двух сотен метров от здания библиотеки. Стоимость зданий в расчёт не бралась. Более того, за них удалось даже сбить цену, поскольку считалось, что они могут только идти под снос, а учитывая их размеры, на это требовалось немало средств. Большую часть этих зданий – примитивные высотные жилые постройки, возведённые в начале века, и стоявшие полуразрушенными после знаменитого Турецкого землетрясения, – действительно сравнивали с землёй. Но старинный полутора вековой давности особняк здания библиотеки, располагавшиеся неподалёку старинные здания одного из факультетов и двух административных корпусов университета и с полдюжины жилых зданий вековой и полутора веко-

вой давности тщательно восстановили. На очищенной от архитектурного ширпотреба территории выстроили современные здания под хранилища, технологические службы. И всё это накрыли Куполом новейшее конструкции, практически не видимым и никак не ощущаемым, о его существовании можно было догадаться, находясь лишь у самой его границы. Всё это было сделано за год с небольшим. Корпорация и Администрация Города «начали кусать локти» и стали готовить иски о яко бы имевшихся нарушениях при заключении сделок на приобретении всей этой территории и зданий. Но тут вдруг выяснилось, что весь этот комплекс неизвестный сумасшедший то ли подарил, то ли продал за символическую сумму Международному Экспертному Совету, с которым Корпорации, а тем более Городу, нечего и думать было тягаться. Вскоре выяснилось, что таким же образом Совету в разных регионах было подарено несколько десятков подобных комплексов, объединённых вскоре в единую систему mega-grid'a.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.